

***

Жизнь — занятная штука, Настасья,
иногда посреди темноты
небеса замирают от счастья
и роняют на землю цветы.

И стоит, занесённый цветами,
словно снегом, наш утренний сад,
и жуки потрясают рогами,
и кроты защищают кротят.

Глубоко под корнями растений
есть в другую Вселенную лаз,
и оттуда являются тени
мужиков, что погибли за нас,

и стоят над твоим изголовьем,
и на лавках сидят во дворе,
и уходят назад по кротовьей
световой дальнобойной норе.

***

Люди исчезают без следа,
как в песок ушедшая вода,
в день весенний, майский, ветровой
тени их скользят над головой,
там, где зреет грозовой разряд,
без вести пропавшие стоят,
там, где шорох птичьего пера,
слышно их бессмертное «ура!»,
отрок, белокур и русопят,
погибает в Вяземском котле,
вот его прощальный синий взгляд,
словно луч, проходит по земле,
словно луч, сияет на Кремле,
на двуглавом бронзовом орле,
вот платочек девичий летит,
инвалид на лавочке сидит,
вот мой дед играет в домино,
бабушка моя глядит в окно,
занавески белые, герань,
что ты плачешь, мама, перестань,
ленту — символ веры и любви —
на пиджак свой лучший накопи,
постоим у Вечного огня,
там, где клён качает головой,
ты одна осталась у меня.
И оркестр играет духовой.

***

Утром на хуторе средь обгорелой,
черной, сырой, ледяной, очумелой
донбасской святой земли
яблони расцвели.

Снова пошли через хутор танки,
мать поднялась со своей лежанки,
глянула в сад, а там —
вечная красота.

Но прилетела откуда-то с неба
смерть и ударила справа и слева.

Вплоть до приезда пожарных живая,
живая мама была.
Жаль, что до нового урожая
яблок не дожила.

***

С утра снаряд прошивает дом,
убивает отца и мать,
теперь я один проживаю в нём,
спрятавшись под кровать.

У кошки кровью сочится глаз,
сгорела шерсть на лице,
но снова наводчик, не торопясь,
подкручивает прицел,

и снова флажок поднимает палач,
и новый летит снаряд,
не бойся, котя, не плачь, не плачь,
им за нас отомстят.

***

Он в трениках пришёл ко мне
из вечного огня,
как хлопок не горит в огне —
загадка для меня,
он под Сауркою пропал,
не то ли на куски,
не то ли лес могилой стал
у каменной реки,
его скатилась голова
в какую-нибудь щель,
и выросла на ней трава,
и не найдешь теперь,
где на бетонный барельеф
ложится мокрый снег,
кто дрался за Донбасс, как лев,
стоят, живее всех,
в глаза любимых и родных
глядят из темноты,
и мокрый снег летит сквозь них,
как белые цветы.

***

Говорит Ихтамнету Аменхотеп,
солнце мёртвых — сумрачный Эхнатон:
«Я ведь тоже не очень-то сеял хлеб,
потому что в насилие был влюблён.

Ты хотел увидеть богов войны,
с ними пить божественный спирт взахлёб,
ну пойдём, я пришёл за тобой из тьмы,
там тебя дожидается твой укроп».

Под клеёнкой чёрною Ихтамнет
отвечает, шкрабая языком:
«Я любил без памяти белый свет,
ты позволь остаться здесь мотыльком,

ты позволь хоть улиткой вползти на склон,
я совсем не мёртвый, наоборот,
прикажи служителям, Эхнатон,
пусть вывозят меня головой вперёд».

«Я и есть служитель твой, Ихтамнет», —
отвечает с усмешкою Эхнатон,
и схватив рукою чёрный пакет,
из закрытого морга выходит вон.

***

Сорок лет войны пузырится пена,
деда учит внука стрелять с колена,
поднимает винтовку и бьёт, прицелясь,
пуля попадает солдату в челюсть,
и он корчится в луже на чернозёме.
Городской телефон оживает в доме:
«Здравствуйте, с вами говорит Моторолла,
президент наш выходит ещё на татами?
Жаль я не могу подняться из гроба,
сорок лет лежу в этой яме с цветами,
знать бы, что да как у вас получилось!»
Дед кладёт на рычаг горячую трубку.
«Это было взаправду или приснилось?» —
говорит стоящему рядом внуку.
Над донецкой степью пылают звёзды,
дед и внук ползут в грязи по нейтралке,
и над ними, с воем врезаясь в воздух,
всё летят в обе стороны катафалки.

***

Уехал Иван на восток с войны,
домой как живой пришёл,
но выстужен дом и нету жены,
и снегом покрыт пол.

На стол сосновый убитый лёг,
как будто в сосновый гроб,
вот ступит милая на порог
и с криком на грудь падёт.

И тихо взошла над Иваном луна,
и медленно, словно дым,
к нему по лучу спустилась жена
и рядом легла с ним.

***

Даже если дети и дом просторный,
даже если мама гордится сыном —
пища вдов навсегда остаётся скорбной.
Небольшую рану прижги бензином,
помни — страх врагов утоляет голод,
его можно резать и есть руками,
а большую рану лечи промедолом,
никогда потом не рассказывай маме
ни о чем, что узнал ты в юности вздорной,
пища вдов навсегда остаётся скорбной,
а итог сиротства — пространство и время,
по нему идут ловцы человеков,
медленно, как пахари-земледельцы,
и один горит, как звезда в Вифлееме,
то ли Ирода спасая, то ли младенцев,
превращая слёзы в ладан и мирру,
превращая тебя в звучащую лиру,
навсегда уловляя в светоносные сети,
саму смерть превращая в лекарство от смерти.

***

Вертолёт — души убитых танков,
чьи глаза забиты кровью и глиной, —
словно чуя свой же мертвецкий запах,
долго кружат над сонной лощиной,
ничего не видя на экранах прицелов,
что случилось, толком не понимая,
огненное небо на новое тело,
как бушлат прожаренный, примеряя,

а потом уходят в сторону света,
и мне улыбаются их пилоты.
Жаль, я не узнаю, зачем всё это,
кем потом становятся вертолёт.

***

В солдатских сапогах священник,
взойдя на кафедру, сказал,
что каждый в этом мире пленник,
я тоже слушал и молчал.
А перед ним на табуретах
стояли разные гробы,
и души пленников отпетых,
освободившись от судьбы,
как бабочки, перелетали
туда, к огням береговым,
и свечи на помин сгорали
и превращались в сизый дым.
За домом дом, за сотней сотня —
исчезли, слившись с темнотой,
лишь храм горел в руке Господней,
как будто факел над водой.

В боях за расширение плацдарма
опять на боевой заходит Карна,
Жля повышает ставки: зуб за зуб,
за око — око, тишина жестока
и здесь чревата пламенем и взрывом,
твоим небритым трупом некрасивым,
в кровавой и обугленной мабуте
лежишь себе на солнышке, а люди
глаза отводят, не хотят смотреть,
что им твоя непрошенная смерть,
что подвиг твой? — им только жинок пежить,
а по ночам к тебе приходит нежить
в твоих карманах шарить и трывдеть
на суржике, курить свои сигарки,
такие, парень, у войны подарки.

В боях за расширение плацдарма
над лесом голым реют Жля и Карна,
вон там, на взгорке, слыша запах мяса,
сидит лиса и дёргает хвостом,
и ждёт ей предназначенного часа,
чтобы тобой насытиться потом.

Ещё про золотые купола
хотел сказать, я знаю, это важно,
любовь и верность — два твоих крыла,
ты воевал умело и отважно,
и вот с тобой, всегда в твоей судьбе
отныне Киев, он залечит раны,
и будут вновь расцветшие каштаны
гореть, как свечи, в память о тебе.

На той войне, на той войне
часы ты видел на стене,
все умерли, они ходили,
одни в разрушенной квартире,
они ходили как могли,
вот здесь, на краешке земли,
они смотрелись, как осколок
уюта, тишины, тепла,
напротив, со ступенек школы,
шатаясь, женщина сошла,
какой-то дед из серой мглы
тебе кричал: «Не уходите!» —
ещё ты клёны в парке видел,
их расщеплённые стволы.
На той войне, на той войне
ты видел девочку в окне,
она тебе рукой махнула,
на ней был вязаный платок,
ты видел — танковое дуло
рождает огненный цветок,
и там солдат перебежал,
танк выстрелил — солдат упал,
контуженный взрывной волной,
как он домой теперь вернётся,
как он теперь придёт домой,
тогда ещё светило солнце,
потом пошёл под утро дождь,
потом ты ел из банки борщ,
потом ты ложку потерял,
потом опять ходил в атаку,
потом ты спал, потом ты спал,
во сне к тебе пришла собака,
и вы с ней долго обнимались
и радовались как могли,
и два воробышка купались,
купались в золотой пыли.

***

Есть край один на плоскости случайной,
как будто бы холодный и печальный,
всё то же небо серое над ним,
всё так же стелется по ветру дым
из труб печных — здесь топят даже летом,
и женщина, встающая со светом,
гремит в колодце цинковым ведром,
цепь лязгает, ведро стучит о стенки,
и мальчик прожигает на коленке
газету лупой, кошка бьёт хвостом
и щурится на солнце, а потом
всё это исчезает за дождём.
Есть край один, куда душа моя
была занесена невесть откуда,
из безначальной тьмы небытия,
и этот край мне явлен был как чудо.
А жизни смысл и вся свобода воли
на деле в том, чтоб утром выйти в поле
и видеть, как синеют васильки,
и на простор глядеть из-под руки.

***

Допустим, что ты вышел на Луне
и видишь запрещённые предметы:
укрытия с железками на дне,
какие-то советские ракеты.

Допустим, Бог включает яркий свет,
и на пустынном чёрном горизонте
ты видишь серебристый силуэт —
пустой скафандр, без крови и без плоти

приветливо махнёт тебе рукой,
и вглядываясь через светофильтры
в его лицо, ты вымолвишь с тоской:
«Не может быть. Ты умер. Да иди ты!»

Сквозь блеск метеоритного дождя,
сквозь светофильтр, покрытый слоем гари,
кого ты там увидишь, уходя?
Нил Армстронг? Или всё-таки Гагарин?

***

До Харькова рукой подать,
потом — подать рукой до Львова,
мне хочется тебя обнять,
во сне тебя увидеть снова,
я точно знаю, это ты
стоишь в лучах дневного света,
я подарю тебе цветы,
когда вернусь, — и будет лето,
и мы пойдём в Нескучный сад,
и мы возьмём вина в пакете,
охрипшим голосом комбат
командует: «Вставайте, черти!» —
простим его, что он такой,
он только на словах суровый,
до Харькова подать рукой,
потом — рукой подать до Львова,
пойду немного разомнусь,
да нет, в столовую, не в бой,
я напишу, когда вернусь.
Целую. Обнимаю. Твой.

***

Я видел, как теряют головы,
как облачался синий лес
в трагическую медь и олово
и звёзды падали с небес,
я видел, как солдаты плакали,
я помню молодую мать,
холмы, усыпанные маками,
и то, как снег летит на гать,
и мхи, и клюквы нить кровавую
в лучах закатного огня.
Немеркнувшей и вечной славою
покроет Родина меня,
я буду жить полями этими
и небом сумрачным лететь
сквозь это золото с медведями,
сквозь это олово и медь.

***

Напиши мне потом как живому письмо,
но про счастье пиши, не про горе.
Напиши мне о том, что ты видишь в окно
бесконечное синее море,

что по морю по синему лодка плывёт,
серебристым уловом богата,
что над ним распростёрся космический флот —
снежно-белая русская вата.

Я ломал это время руками, как сталь,
целовал его в чёрные губы,
напиши про любовь, не пиши про печаль,
напиши, что я взял Мариуполь.

Напиши: «Я тебя никому не отдам,
милый мой, мы увидимся вскоре».
Я не умер, я сплю, и к моим сапогам
подступает Азовское море.